

В ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ЛЕТ

**ПУШКАМ—ПЕРЕКУР,
МУЗАМ—К БОЮ!**

© 1943. DEWEY PA. INC. — БИОДНАК.

Приказом командующего 1-м Украинским фронтом генерал-полковник Н. Ф. Ватутин фронтальной группой имени Ватутина ввел в состав полка 1-го Украинского фронта управления под наименованием: фронтное финансово-хозяйственное управление имени Ватутина при Политическом управлении 1-го Украинского фронта. Группы работы на фронтах 40 месяцев, сыграла 1.806 ставок.

(«СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945. Краткая хроника»).

Вместо снапы — солдаты
поляны. Вместо рыны — бру-
ствы окопа. За бруствером —
огонь солдатских глаз. В на-
зах — шеренги вопросительных
ляков. Причина уважительная.
Под всем у противника, у не-
остывших стволов орудий по-
сланы театральные Москвы
играют в ссу «Нам корреспон-
дент» — о германском разраде.

По ходу действия спектакля двум персонажам, плыв в майчанке, полагалось уснуть. Актрисы А. М. Данилова (ниня) и В. И. Васильева сделали все по «диагнозиции» режиссера А. И. Ремизовой. Задремали, как говорится, «не выходя из образа». Не натурально, а театрально. И вот к чему это привело.

— «Сплю» я себе, «сплю», — вспоминает спустя тридцать лет Анна Михайловна Давыдович, — и сразу сплыву, как близкий зритель шепчет товарищам изза бруса: «Тыше, хлопцы, тыше. Пусть люди отдохнут с дороги... Нелюдя я вам добрался. Умоялся вконец...».

И тут же — уточняет далее актриса — наступила удивительная, неповторимая тишина. Зрители замерли. Они устроили гостям «роковой» венедиктовский «отбой». На персонажам льется, а людям, которые и вырваться ужались, ибо до передового пути извлекать — где обрывать, а где ползком.

Вскоре зрители поняли, что допустили небольшую «накладку», а зроразли тиниру рукоплесканиями. Для актера аллодисменты что ветер в парусах. Их теплая, благодарная волна смывает усталость, согрывает исполнителя, увлекает его к новым берегам. Столь же дорога художникам сцены тишннчаясная пауза перед овацией, когда зритель, покороенный правдой вымысла, вслед за исполнителем отрешается от действительного «я» и начинает дышать одним грудью с героями фильмокарты.

Пауза, о которой рассказывала А. М. Данилович, иного рода. Она рождена не столько «магией» искусства, сколько сопутствующими обстоятельствами. Это, как говорится, «маленькая пакость». Отнюдь

Однако тридцать лет минуло после спектакля в прифронтовом переулке, а трогательная «Баллада» не отсыена временем. Напротив, она стала прочной заветной благодарного сердца.

на. Вряд ли ее привлекательная живучесть идет от остроты ситуаций. Скорей все же дело в душевной теплоте зрителя-франтовика. Что же до острых, порой трагедийных ситуаций — их на долю участников фронтового финала театра выпало больше, чем достаточно.

При переправе близ станции Вешенской, там, где большой худежник дал жизни герою «Тихого Дона», вахтанговцы угодили в огневой вражеский капкан. Выручил водителя, павший эти места. Клином чудом проскочил в переправе. Немного легче пришлось артистам при освобождении Харькова в совет третьем. В то время, проживавшим свозниками театры имени Шеняного вахтанговцы играли для военных и местных жителей «Нашего корреспондента». Стеноз в театре не было. Электростанция тоже. Играть при свете. Роль репортера переднего края Мачугкова исполнил юный выпускник театральной училища имени Б. В. Шуккина Александр РСФСР сержант бюро партийной организации театра). Суровая судьба его героя. Взял репертуаром с передовых районов. Большие деньги, коррумпированный аппарат. Тот, кто пустил погасает после. Тот, кто, оказывается подобный ученик, угрожал в день спектакля не только артисту Гаве, но и всем его товарищам. На артистах тоже. Кроме названного ранее вахтанговцев, фронтового веху несли артисты Т. И. Клиникова, В. И. Данчева, В. А. Покровский, братья Н. М. и А. М. Лебедевы, Б. М. Королев, И. К. Липсинский, Н. А. Мочалов и другие.

Вместе с актерами в боевых порядках войск выступала балетистка А. М. Голубева, А. В. Кирюхин. К концу войны все они удостоились боевых наград. Директор филартии П. М. Сметков, художественный руководитель А. А. Ореchio в режиссер А. И. Ремизова награждены орденом Отечественной войны II степени. Но это произошло в срок пятом. А тогда, в сорок третьем.

Тогда в разгар спектакля над театром загремели взрывы снарядов. Один, другой, третий... Что было делать? Актеры с поста не ушли. Задачу выполнили полностью. Так звалился создатель театра — замечательнейший артист.

тальный ученик великого Сталинского Бегеи Ваванова. Один из заветов Евгения Ваванова гласил: основа нашей работы — железная дисциплина. Канал был ни сложился обстановкой, ничто — ни погода, ни опасность, ни усталость — не может взятъ на выступление коллектива. Ово должно быть ярким, произвольным.

Свой завет Вахтангов утвердил личным подвигом. В последние спектаклях он играл смертельно больного. Когда дали занавес после окончания одной из пьес, Вахтангов лежал на сцене без чувств. Но песню сердца допел до конца.

Его наследникам — артистам-фронтовикам — дадено не всегда удавалось сшить песню так, как было поначалу задумано. Но в это песню прорывалась война. Вот одна из «пустых» страничек фронтовой летописи — рассказ записочника работника культуры РСФСР И. И. Секстора. Мысли Иосиф Исаакович являют собой шекспировский расприщипанный театр. В годы войны он не писал, а только слушал. И еще раздумья была обманчива. Принимая захваченных, сданных накануне войны. Эта обманчивость составила впоследствии часть пьесы.

— Нигде мы для танкистов армии генерала Рыбалко, — вспоминает И. И. Спектор. — Ставили «Нашего корреспондента». Выступали применительно к условиям сорок третьего года — в огромном деревянном тарае. Примерно в середине нынче последовала серия энергичных команд: «Майор танкой — на выход», «Рота такая-то — стронься!», «Разведчики — к командпункту». За несколько минут помещение опустело процентов на восемьдесят... Мы, конечно, не обидели оставшихся. Но, угнетало то, что большинство зрителей нас не видело. За то назидать.

Назавтра, — продолжает рассказчик, — артисты фильма двинулись вслед за наступающими на запад. Вечером после тяжкого, изнурительного боя вяхтанговцы завершили недоветую песню. Донгряли сакетаня для тех, кто вчера был поднят по тревоге. Увы, далеко не все вчерашние зрители вернулись с поля боя. А среди тех, кто вернулся, многие были в ошеломленных полделах. — *Пока своего не увидели.*

Был случай обратного свойства: два «полнометражных» спектакля за сутки. В один из дней сорок четвертого, в канун большого наступления, войскам первого эшелона был показан водевилль В. Дыбенко «Свадьба в пущах» — все время картина далеких мирных дней. Ночью усталых артистов осто-рожил разбудил командир П. С. Рыбалко. Он просил по-вторить спектакль два раза.

носятся к числу тех, которые днем разрабатывают наступательную операцию, а сейчас готовы пожертвовать своим отдыхом.

Утром — снова на запад... И так до самого Берлина и Праги. Где пушки, там и музы.

Боевая страда вклятановцев имеет продолжение в наши дни. Кладбище затаило во время отступлений шефов бригады солдат убитых, давших танком свое. Только мучащихся деловых воев. Заполняя, «на краешке земли», было дамо вклятановцев. Классика и современности. «Сердце не камень». А. Н. Остроносного и арбозовский «Город на заре». Особенно тепло принимались писатели: ровнявшие отрывки из книги М. А. Шолохова «Они сражались за Родину».

Тридцатилетие театра ветера-
нация вышло отмечать в пути,
«на марше». Сейчас вахтангов-
цы выступают перед ветеранами
и югославскими друзьями.
Манавузе отъезда в Венгрию
один из ветеранов фронтового
фильма А. К. Граве просто и
убедительно связал воедино три
времени: прошлое, настоящее и
будущее.

Что для Александра Константиновича «свое-таки» на фронтовых лет. Очень многое. И досрочный выпуск из Шунгитского театрального училища по последующим дебютам в роли студента Костика («Песня о Саяно-Енисейском мученичестве»), а работа над образом Малозеткова в «Нашем корреспонденте» и остальные спектакли для фронтовиков. И удивительный по своей силе и красоте плакат на крутом правобережье Днепра. Конец. Видно, что обречен и боюющей. А выступления на площадях освобожденных городов русских, болгарских, польских, чехословацких! Сорок месяцев на передовой — это миллиарды секунд. И каждая могла стать смертоносной.

Дорог весь путь, пройденный
по военным маршрутам с то-
рищами по искусству. Светло
память о тех, кто не дожил до
вышешнего юбилея. — о В. И.
Москвине, А. А. Емельянове.
И. К. Ливском. Прошлое, гово-
рит А. И. Граве, зовет к высокой
звездности в нынешних и
грядущих боях.

...В одном из спектаклей вместе с А. К. Граве выступал молодой артист Евгений Леонов. Успешный и красивый Пушкин он закончил на четверть часа познее старшего собрата. А пришел в большое искусство после службы в армии. Был он авантюристом, стрелком-радистом. У Евгения Васильевича есть уже серьезные удачи. Одна из них — образ Ершова из пьесы А. Гладкова «Молодость театра». Судьба героя близка исполнителю. Как и Евгений Леонов, Платон Ершов — человек армейской закалки. Придя в театр, Ершов поставил целью жизни создать на сцене образ Ильича. Не исключено, что образ Платона навеян исканиями Б. В. Шуккина — пересоздавший образы Ленина и Сталина в величайших Шуккин творил и великий Шуккин тоже пришел в театр из армии.

Молодость и опыт ведут
поиск плеча к плечу.

И ПОЖИДАЕМ